

О смерти языка спокойно, без участия,
Ты речь свою повел, ученую весьма.
Что для тебя язык? Глагол, деепричастья...
А для меня он — жизнь. Ты понял? Жизнь сама
Когда я слушаю слова родимой речи,
Я вижу тех, кто пал, но кто свободу спас.
Я вижу храбрецов, чье слово в жаркой сече
Горело, словно кровь, как день в закатный час.
«Будь с нами, мужество!» — слова из уст летели
Из окровавленных, как птицы, напролом,
И гнали пришлецов разбойных из ущелий,
И смелых славили на языке своем.
Поныне те слова стоят, как наши скалы,
Поныне те слова сверкают, как мечи.
В них раны сабельной огонь кроваво-алый,
В них вечной доблести горячие ключи.
Мужчины, чьи уста полны были и кровью
Сраженья правого и кровью слов родных!
О, жены, что детей баюкали с любовью.
Оплакав их отцов на языке живых!..
О смерти языка ты говоришь бесстрастно,
Но мне-то слышится, как девушка на нем
Твердит слова любви, — они звучат прекрасно.
Как листья, как родник в цветении лесном.
Прислушайся, — тебе откроются долины,
И блеск травы, и шум дождя в словах простых,
В них ветки шелестят, и клекот в них орлиный,
И ум пословицы, и звонкий древний стих.
Не этот ли язык звенел над колыбелью?
Не он ли хлеб растил с упорством и трудом?
Не он ли горевал? Не он ли звал к веселью
И «Мир вам» говорил, вступая в каждый дом?
Он молоком блеснет, теплом тебя согреет,
Когда произнесешь на нем ты слово «мать»,
А скажешь «яблоко» — все расцветет, созреет,
А скажешь «небосвод» — весь мир начнет сиять.
Язык не слабый снег, он не растает вскорее,
Язык — могучая гранитная скала.
С народом он делил и радости и горе,
И в споре с ним позор познали силы зла.
Язык народа жил, как всадник и как воин,
Родной земле служил, как пахарь и мудрец.
Он так же, как народ, бессмертия достоин,
А если он умрет, умрет он как храбрец.

Перевел С. Липкин

